

— Что там такое? — услышав шум снаружи, небрежно спросил Цзи Вэйцю.

— Докладываю, князь, из дворца прислали кое-какие вещи и провизию, сейчас разбирают, — почтительно ответил слуга.

— Много? — удивился Цзи Вэйцю. Большинство его слуг были из дворца, обучены строгим правилам. Обычно, когда что-то присылали, всё разбиралось тихо и незаметно, его никогда не беспокоили.

А не сообщали ему потому, что из дворца часто что-то присылали. Обычно это были подарки от матушки. Даже если ей просто понравится какой-нибудь фрукт, она тут же велит отправить ему. Вчера он сказал, что едет в Цзяннань, и, должно быть, матушка, боясь, что ему в дороге не хватит еды и припасов, поспешила всё прислать.

Он уже собирался выйти посмотреть, как слуга доложил:

— Князь, прибыл гунгун Цинси.

Цзи Вэйцю кивнул. Гунгун Цинси уже вошёл, а за ним следовал миловидный молодой евнух, державший в руках свиток императорского жёлтого цвета. Увидев, что князь всё ещё лежит на кушетке, Цинси поспешил к нему:

— Ай-яй-яй, мой маленький господин! Не вставайте, не вставайте! На улице холодно, как бы не простудились!

Цзи Вэйцю подумал: «Ещё вчера меня чуть не выпороли за то, что я на коленях стоял неправильно. Если я сегодня не встану, чтобы принять указ, завтра моя голова, чего доброго, будет висеть у ворот дома канцлера Вана».

Видя, что Цзи Вэйцю собирается откинуть тонкое одеяло, Цинси поспешно придержал его край.

— Вы же знаете нрав Государя, — сказал он. — Вчера кто-то вывел его из себя, а вы просто попались под горячую руку... Старый раб осмелится сказать: разве родные братья долго держат обиду? Государь и ночью спал беспокойно, а сегодня, чуть свет, уже отправил меня в свою сокровищницу собирать вещи для вас в дорогу!

Цинси начал служить при императрице в десять лет, а когда в восемнадцать родился Цзи Су, перешёл к нему. Скажи такое кто-нибудь другой, Цзи Су давно бы его казнил, но Цинси это сходило с рук.

Цзи Вэйцю тоже был к нему очень привязан. В то время во дворце у матушки было небезопасно, и Цзи Су растил его сам. Естественно, Цинси заботился и о нём. Брат не мог кормить его с ложечки и менять пелёнки каждый день, для этого были кормилицы, да и дел у него было по горло. По правде говоря, Цинси он видел чаще, чем брата.

Услышав слова евнуха, Цзи Вэйцю на семь-восемь десятых поверил ему. Всё-таки это были годы привязанности. Он решил не дуться. Если уж такой близкий слуга, как Цинси, говорит ему такое, это почти то же самое, что извинения от самого Цзи Су. Без ведома брата Цинси не осмелился бы на такую дерзость. А теперь ещё и подарки прислали — полный набор извинений. Можно и спуститься с пьедестала.

Будь на его месте кто-то другой, Цзи Су вспылит бы, и тот мог бы только стерпеть. Какие уж там объяснения через Цинси? Не нравится — терпи! И не просто терпи, а ещё и благодари, пиши покаянные письма. Кто осмелится перечить Государю? Кто осмелится бунтовать, должен быть готов умереть! И не только сам, но и повести за собой всю семью!

Такова уж была императорская власть, особенно власть такого человека, как его брат, взошедшего на трон, убив отца и братьев. Его рука никогда не дрожала. Хотя в последние два года не было слышно о казнях целых кланов, но когда-то небо над Яньцзином было кроваво-красным, и ни солнца, ни луны не было видно.

Увидев, что лицо Цзи Вэйцю смягчилось, Цинси махнул рукой, и Сяо Чжо подал указ. Цзи Вэйцю открыл его, пробежал глазами. Указ был составлен кабинетом министров. Если отбросить хвалебные речи, суть была в том, чтобы он посетил несколько известных храмов в Цзяннани, помолился о здоровье вдовствующей императрицы и в течение полугода вернулся в столицу.

Цзи Вэйцю небрежно отложил указ в сторону, отчего у Цинси дёрнулся глаз.

— Мой брат... то есть брат-император, ещё что-нибудь приказал? — с улыбкой спросил Цзи Вэйцю. — Просто так, поразвлечься отпустил?

Молиться в храмах... это ли не развлечение?!

— У Государя и впрямь не было других указаний, — радостно ответил Цинси. — Маленький князь, поезжайте со спокойной душой!

С этими словами Цинси извлёк из рукава инкрустированную жемчугом и нефритом табличку и вложил её в руку Цзи Вэйцю.

— Это Государь велел передать вам для защиты, — прошептал он. — Носите при себе. Если встретите кого-то совсем уж безрассудного, не стесняйтесь использовать.

Цзи Вэйцю долго рассматривал табличку. Цинси, глядя на него, думал, что маленький князь, должно быть, так растроган, что не может вымолвить ни слова. Но тут он услышал:

— ...Тяжёлая. И это надо носить при себе?

Цзи Вэйцю покрутил шнурок. Табличка из чистого золота натягивала его до предела. Эта штука, хоть и выглядела небольшой, весила не меньше двух цзиней, а с драгоценными камнями — все три! Без шуток, если привязать её к поясу, тот сползёт. А если положить в карман рукава, рукавом можно будет отбиваться!

— Мой брат-император тоже носит такую при себе? Как? Где? Шею не натирает? А пояс? Что, если на ходу он соскользнёт?

— ... — на это Цинси не нашёлся, что ответить. Он моргнул и с кривой улыбкой сказал: — Маленький князь, это же Золотой приказ Государя! С его помощью можно командовать гарнизонами по всей стране. Ни в коем случае не теряйте, а то быть беде!

— Знаю, — Цзи Вэйцю повертел приказ в руках и с усмешкой покачал головой. — В следующий раз пусть мой брат-император сделает что-нибудь другое, не такое массивное. Тяжёлая, жуть. Вот из нефрита было бы в самый раз. Размером с амулет, повесил на шею — и никаких проблем. У нефрита ещё и узор есть, подделать трудно. А эту золотую любой ювелир скопирует...

Цинси подумал: «Да кто в Поднебесной осмелится подделать Золотой приказ, дающий право командовать войсками? Это же верная смерть!» Но в то же время он нашёл слова Цзи Вэйцю весьма разумными. Другие боятся казни целого клана, но если кто-то и так занимается делами, за которые полагается такая кара, то ему уже нечего бояться...

Цинси ещё раз напутствовал князя и, видя, что тот собирается выехать до полудня, поспешил откланяться и вернуться во дворец с докладом. Он сел в повозку, Сяо Чжо последовал за ним и услужливо налил ему чаю:

— Учитель, прошу!

Цинси внезапно схватил его за руку. Сяо Чжо вздрогнул, едва не расплескав чай.

— Учитель?!

— Парень, всё, что сегодня видел, держи при себе. Рот на замок, — понизив голос, строго сказал Цинси. — Проболтаешься хоть словом — никто тебя не спасёт!

Сяо Чжо, не зная, о чём именно говорит наставник, поспешно закивал. Цинси отпустил его, взял чашку и неторопливо отпил.

— Я же для твоего блага стараюсь. Служа при Государе, первое, чему нужно научиться, — это держать язык за зубами!

— Да-да, ученик понял, учитель, не беспокойтесь!

Вернувшись во дворец, Цинси, прежде чем войти в Дворец Ясного Покоя, изобразил на лице широкую улыбку. Войдя, он ловко поклонился:

— Государь.

— М-м, — Цзи Су склонился над шахматной доской. Чёрные и белые фигуры сошлись в ожесточённой схватке, игра достигла апогея, но по какой-то причине замерла.

Не дожидаясь вопросов, Цинси с улыбкой начал:

— Маленький князь всё ещё совсем дитя. Старый раб осмелится заметить, не зря вдовствующая императрица так за него беспокоится... Когда я пришёл, маленький князь был немного подавлен, но, получив указ и Золотой приказ, сразу просиял. Когда я уходил, он уже с воодушевлением отдавал приказы собирать вещи!

— Он рад покинуть столицу, это естественно, — оперевшись подбородком на руку, равнодушно бросил Цзи Су.

Цинси слегка нахмурился, но, к счастью, он стоял, опустив голову, и этого никто не заметил. Он подыграл:

— Маленький князь, конечно, рад. Старый раб хоть и неграмотен, но знает, что в стихах часто воспевают красоты Цзяннани! Маленький князь с детства читал книги, должно быть, давно мечтал там побывать!

— Ах ты, старый плут, — Цзи Су, зная, что Цинси намеренно защищает Цзи Вэйцю, спокойно сказал: — Что-нибудь ещё говорил?

— Конечно, — с улыбкой ответил Цинси. — Маленький князь спросил меня, носит ли Ваше Величество Золотой приказ при себе? Не тяжело ли? И сказал, что когда вернётся, предложит Государю сделать его из нефрита, чтобы было удобнее.

Про «трудно подделать» он сказать не осмелился.

Цзи Су хмыкнул и открыл глаза. Взгляд его был глубок и тёмный.

— Ещё и недоволен остался.

Цзинси оставалось лишь сухо рассмеяться. Что ещё он мог сказать?

Цзи Су, казалось, не придавал этому значения. Он посмотрел в окно. Погода была ясная. По его расчётам, Цзи Вэйцю уже должен был покинуть Яньцин.

На самом деле...

— Князь, вы что, в дальний путь собрались? Куда? Возьмите меня с собой! — это был непутёвый младший брат канцлера Гу.

— Ого, Ваше Высочество, что за пышные сборы? Куда направляетесь? Если не возражаете, я с вами! — а это был непутёвый младший сын помощника министра финансов.

— Эй, эй, Вэйцю, ты куда? Мы же договорились сегодня на сверчковые бои! — это был второй молодой господин из дома Цзунцинъ-вана.

Цзи Вэйцю, закинув ногу на ногу, сидел в повозке и, приоткрыв занавеску, с улыбкой отвечал:

— В Цзяннань. Едете?

Толпа бездельников думала, что намечается что-то весёлое. Услышав ответ, они сначала опешили, а потом поняли — это же ещё веселее!

— В Цзяннань? — зашумели они. — Как это вы, Ваше Высочество, в Цзяннань?

Цзи Вэйцю с озорством в глазах указал на небо:

— Официально. Едете или нет?

Разве они могли отказаться? Но всё произошло так внезапно, да и ехать так далеко... Не то чтобы они не хотели, но дома, скорее всего, не отпустят. Один из них, самый сообразительный, уже запрыгнул в повозку Цзи Вэйцю:

— Вэйцю, одолжи свою повозку, мы поедем вперёд! А моя потом догонит!

Сказав это, он пнул своего слугу:

— Чего стоишь? Быстро домой, доложи отцу, что я с князем Жуюем в Цзяннань уехал!

Слуга:

— ...А?

Хоть он ничего и не понял, но поспешил домой.

Второй молодой господин из дома Цзунцинъ-вана подмигнул остальным.

Другие бездельники, услышав это, поняли: а ведь это идея! Если спросить дома, точно не отпустят. А даже если и согласятся, пока соберутся, пока подготовятся... Судя по сборам князя, он сегодня же покинет Яньцзин. Пока они соберутся, его и след простынет. Уж лучше поехать с ним сейчас, повеселиться, а если дома не согласятся и пошлют погоню, можно будет и вернуться. А на все вопросы отвечать, что князь Жуй так настойчиво приглашал, что отказаться было невозможно!

Они уже не первый год вместе развлекались и часто проворачивали подобные дела, так что понимали друг друга с полуслова.

В мгновение ока несколько бездельников оказались в повозке Цзи Вэйцю, а их слуги остались стоять, растерянно переглядываясь.

— Господин! Господин... это... не...

Дворец Ясного Покоя.

Цинси, получив донесение от Лазурной Гвардии, с кривой улыбкой подал его Государю:

— Государь, Лазурная Гвардия докладывает, что маленький князь... маленький князь... пригласил нескольких друзей и вместе с ними отправился в Цзяннань!

Цзи Су взял записку, и в его глазах промелькнула тень улыбки.

— Пропустить, — приказал он.

Всё-таки не дурак.